

О ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВАХ НАУЧНОГО ПРЕКАРИАТА*

Шибаршина Светлана Викторовна – кандидат философских наук, доцент. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. 603000, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23; e-mail: svet.shib@gmail.com

Данная статья является репликой в дискуссию о творчестве, креативности и научном прекариате, инициированную статьей И.Т. Касавина «Научное творчество как социальный феномен». Отталкиваясь от его предложения о пересмотре идеологии креативности в науке на основе стремления определенных групп прекариев к независимости и свободе, автор выражает сомнения в перспективах научного прекариата в рамках современной науки. Рассматриваются разновидности прекариата (или родственные ему явления), такие как фриланс и цифровое кочевничество. Указывается ряд преимуществ (независимость, свобода) и недостатков прекаризации общества (отсутствие стабильности, неопределенность, отсутствие социальных гарантий и т.д.). Автор задается вопросами о том, могут ли ученые всерьез рассматриваться как кандидаты в прекариат и насколько распространен научный прекариат в современном обществе. Указывается на то, что коллективный характер современной науки, ее институционализация накладывают на ученых определенные обязательства, порой входящие в противоречие с внутренними стремлениями индивида, в том числе к свободе. Зафиксированное в свое время М. Вебером напряжение между институциональными условиями существования науки и персональной мотивацией ученых ведет к уменьшению личной автономии, утверждению «мира специалистов» и затрудняет реализацию стремления ученых к независимости и свободе. С одной стороны, ряд современных тенденций (академическая мобильность) может рассматриваться как своеобразная разновидность прекаризации в науке, с другой же – статус независимого исследователя без научно-образовательной аффилиации затрудняет социальное признание и финансовую отдачу для ученого. Автор признает, что к научному прекариату могут быть отнесены представители «гаражной науки», некоторые публичные интеллектуалы, популяризаторы науки и т.д., однако в целом научный прекариат не является распространенной тенденцией. При этом современная пост-наука и пост-нормальная наука потенциально делает данное явление вполне легитимным.

Ключевые слова: креативность науки, научный прекариат, ученый-фрилансер, институционализация науки, Гай Стэндинг

---

* Исследование выполнено в рамках реализации Программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» № темы Н-424-99_2022-2023. The research was carried out as part of the implementation of the Strategic Academic Leadership Program “Priority 2030” No. Н-424-99_2022-2023.

ON THE PERSPECTIVES OF THE SCIENTIFIC PRECARIAT

Svetlana V. Shibarshina –
PhD in Philosophy,
Associate Professor.
Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod.
23 Gagarin Avenue, Nizhny
Novgorod, 603022, Russian
Federation;
e-mail: svet.shib@gmail.com

This paper is a part of the discussion about creativity and the scientific precariat, initiated by I.T. Kasavin's article. Proceeding from his proposal to revise the ideology of creativity in science through the desire of certain precariat groups for independence and freedom, the author questions the nowadays perspectives for the scientific precariat. This paper discusses the varieties of the precariat (or related to it phenomena), such as freelancing and digital nomadism. The author considers a number of advantages (independence, freedom) and disadvantages of precarization (lack of stability, uncertainty, lack of social guarantees, etc.). The author questions whether scientists can be seriously considered as candidates for the precariat and how widespread the scientific precariat is in contemporary society. It is pointed out that the collective nature of modern science and its institutionalization impose certain obligations on scientists, which sometimes confront their individual internal aspirations, including the desire for freedom. The tension between the institutional conditions for the existence of science and the personal motives of scientists, noted once by M. Weber, lead to a decrease in personal autonomy, the emergence of a "world of specialists" and make it difficult to realize scientists' aspirations for independence and freedom. On the one hand, a number of current trends (such as academic mobility) can be viewed as a kind of precarization in science. On the other hand, the status of an independent researcher without research and educational affiliation hinders scientists' social recognition and financial returns. The author admits that representatives of "garage science", some public intellectuals, science, communicators, etc. can be attributed to the scientific precariat; however, in general, the scientific precariat is not a common trend. At the same time, modern post-science and post-normal science potentially make this phenomenon quite legitimate.

Keywords: creativity of science, scientific precariat, freelance scientist, institutionalization of science, Guy Standing

В своей статье И.Т. Касавин исследует проблемы креативности, творчества в связи с таким явлением, как прекариат, в том числе научный прекариат, и предлагает пересмотреть идеологию креативности в науке [Касавин, 2022]. Хотелось бы подробнее рассмотреть предложенную им идею, дав оценку проблематичным ее аспектам. Прежде всего, могут ли ученые всерьез рассматриваться как кандидаты в прекариат и насколько распространен научный прекариат в современном обществе?

Здесь следует отметить то обстоятельство, что само понятие «научного прекариата» ново и даже инновационно. Его концептуализи-

зация в научной литературе практически отсутствует, и трактовать его можно по-разному. Сам И.Т. Касавин изначально исходит из исследования британского социолога Гая Стэндинга [Standing, 2011; Стэндинг, 2014], который рассматривает распространение прекариата как продукт неоллиберализма с гибким рынком труда и идеи которого теоретически дают основание говорить о возможностях появления научного прекариата. К примеру, можно предположить, что жесткие требования к ученым в рамках академического капитализма уже породили нечто напоминающее прекариат.

Напомним, что развитие прекариатических тенденций Г. Стэндингом и другими исследователями связывается во многом с неопределенностью как существенной чертой современности. Как отмечает Г. Стэндинг, прекариат характеризует неустойчивое социальное положение, нестабильность, слабая социальная защищенность, отсутствие многих социальных гарантий, нестабильный доход, депрофессионализация, смирение с ситуацией, попытки приспособления, тревога и т.д. [Стэндинг, 2014, с. 24]. В определенном смысле академическую и научно-исследовательскую мобильность можно считать родственной прекариатизации. Прежде всего, в отношении тенденции заключать относительно краткосрочные контракты с исследователями(-преподавателями) на конкурсной/стипендиальной основе. Во многих странах мира ученые вынуждены таким образом постоянно перемещаться, меняя работодателя, быстро набирать портфолио научно-образовательных и организационных достижений, чтобы быть всегда востребованными. Выделенные Стэндингом черты гибкого рынка труда так или иначе затрагивают сферу науки и образования, и помимо прочих вызовов ученым приходится иметь дело с нестабильностью разного рода. Кто-то пользуется этим как возможностью, кто-то воспринимает это как зону страдания, тревоги и беспокойства за собственное будущее.

Таким образом, в определенной степени ученые могут считаться кочующим прекариатом. В принципе, при развитии идеологии постоянной академической мобильности, которая охватывает существенную часть мира, ученые превращаются в своего рода научный прекариат, «колесящий» по миру в поисках временного постдока и прочих подобных позиций, которые предусматривают временную, но все же официальную аффилиацию.

Вместе с тем в статье И.Т. Касавина речь идет во многом о таких базовых для человека вещах, как свобода и творчество. Подыскивая себе позицию в очередном университете или центре, ученый лишь весьма относительно свободен в выборе темы для исследования, но вынужден скорее помещать себя в прокрустово ложе требований академического капитализма. В этом отношении было бы интересно поразмышлять о том, может ли ученый быть фрилансером или цифровым кочевником.

Безусловно, есть основания ассоциировать фрилансеров с прекариатом: их частое нахождение вне поля действия трудового законодательства; нестабильность заказов и заработка; нестабильность социального положения; неуверенность в завтрашнем дне и т.д. При этом одной из положительных характеристик подобной занятости считается ощущение большей свободы от жесткого институционального контроля, возможность своеобразной международной мобильности и т.д. С фрилансом соотносится и явление цифрового кочевничества, которое прекрасно вписывается в концепцию глобального мира и глобального рынка. Более того, отсутствие необходимости жесткой привязки к работодателю, физическому локусу и вообще к традиционной национально-культурной «почве» порождает новый тип идентичности, который можно рассматривать как порождение глобализма с его размытием национальных традиций. Это своего рода транс-идентичность, связанная как с финансовой и социальной нестабильностью (не так много специалистов – фрилансеров и номадов – могут рассчитывать на постоянную востребованность, за исключением высококвалифицированных IT-специалистов и т.п.), так и вынужденной/добровольной свободой от жесткого графика труда и жесткой привязки к определенным физическим локусам. Цифровогономада даже называют «человеком вселенной», подчеркивая его романтический вольнолюбивый дух, критикуемый Стэндингом в отношении прекариата.

Однако хотелось бы выразить сомнение в том, что ученых можно всерьез относить к подобным социальным группам. Как известно, современная наука отличается коллективным и институциональным характером, отдалившись от науки ученых-одиночек прошлого. Коллективный характер производства и развития научного творчества отмечался еще французским физиологом Клодом Бернаром в XIX в. («Искусство – это я, наука – это мы»). Речь идет о растворении роли личности в создании научного знания, «анонимности» научного голоса, обезличивании науки благодаря ее коллективной природе [Shapin, 2008, p. 7].

Более того, институционализация науки наложила на тех, кто стремится стать ее представителями, определенные обязательства, порой входящие в противоречие с внутренними стремлениями индивида, в том числе к свободе. В свое время М. Вебер [Вебер, 1990] зафиксировал «внутреннее напряжение между институциональными (хозяйственно-экономическими, политическими) условиями существования науки и персональной мотивацией ученых», что, собственно, является частью общей тенденции к распространению доминирования инструментального разума, утверждению «мира специалистов», «максимально технически оптимизированного и полностью контролируемого» [Столярова, 2020, с. 108–110].

В подобной ситуации говорить о творчестве в науке, казалось бы, становится проблематичным. Вместе с тем наука – это исторически

изменчивое явление, как, собственно, и творчество: неслучайно последнее нередко заменяется понятием креативности как важной составляющей современности. С одной стороны, наука представляет собой во многом обезличенные стандарты и процедуры и безликие институции; это также сфера институционального принуждения и контроля. С другой же – внутреннее стремление к творчеству не утрачивается, хотя в современных формах оно и адаптируется к рамкам креативных технологий. В этом смысле science art можно считать адаптацией науки и искусства к современным тенденциям. Аналогичным образом и ученые могут слышать «требования дня» (по М. Веберу) и лавировать между институциональными условиями и личностными мотивациями. Но какова же здесь роль научного прекариата?

Однако если мы говорим о фрилансе и отсутствии аффилиации, то следует оговориться, что все это существенно ограничено для ученых в силу целого ряда причин. Прежде всего, ученый не совсем считается таковым без официального места работы в научной организации, университете или научном подразделении частной фирмы, и идея Ильи Теодоровича о новой креативности в науке для настоящего и ближайшего будущего звучит пока несколько утопично. Отношение научного сообщества к свободным исследователям неоднозначно, и это может затруднять перспективы публикации научных статей фрилансеров в высокорейтинговых журналах. Это же мешает исследователям-одиночкам претендовать на финансирование своих исследований: существующие системы финансирования науки (базовое, грантовое, частное, государственное) требуют наличия аффилиации. Кроме того, в науке не хватает мелких заказчиков: заказчики научных исследований являются во многом правительством и крупный бизнес (фармакомпании, технологические и аграрные концерны и т.п.). Эти заказчики редко связываются со свободными учеными. Безусловно, при выполнении проектов для мелких рутинных операций могут наниматься фрилансеры, но глобальные задачи требуют ученых. Фрилансом могут зарабатывать т.н. data scientists, но по сути их работа отходит от привычного понимания науки и оказывается сродни деятельности IT-специалиста. Социологи могут на заказ проводить социальные исследования и опросы, а ученые-лингвисты – различного вида лингвистические экспертизы, однако с точки зрения их социального статуса это не будет их основной занятостью. Важно, что наука сама по себе требует инфраструктуры и ресурсов, недоступных для одиночек. Непредсказуемый же характер научных исследований не позволяет гарантировать достижения желаемого результата в установленный срок. По крайней мере, мы говорим о настоящем моменте – в будущем возможна трансформация форм организации науки и научной коммуникации.

Прекарная занятость вполне возможна для представителей «га-ражной» науки, публичных интеллектуалов и популяризаторов науки,

хотя очевидно, что большее доверие у части публики будут вызывать популяризаторы с известной аффилиацией, а не свободные ученые. Тем не менее примеры подобных успешных популяризаторов есть (Ася Казанцева).

Как мы видим, элементы научного прекариата обнаруживаются в рамках современной постнауки и «пост-нормальной» науки, в некотором смысле легитимизирующих свободных исследователей, представителей «гаражной науки» и – теоретически – явление научного прекариата. Однако насколько возможна интеграция научного сообщества с идеологией прекариата – вопрос весьма сложный, для более ясного ответа требующий отдельного развернутого исследования. Пока же нами высказываются определенные сомнения по этому поводу.

Список литературы

Вебер, 1990 – Вебер М. Наука как призвание и профессия / Пер. с нем. П.П. Гайденоко // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.

Касавин, 2022 – Касавин И.Т. Научное творчество как социальный феномен // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 3. С. 19–29.

Столярова, 2020 – Столярова О.Е. Наука сегодня – профессия или призвание? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 56. С. 107–112.

Стэндинг, 2014 – Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс / Пер. с англ. Н.Г. Усовой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.

References

Kasavin, I.T. “Nauchnoe tvorchestvo kak sotsialnyi fenomen” [Scientific Creativity as a Social Phenomenon], *Epistemology and Philosophy of Science*, 2022, vol. 59, no. 3, pp. 19–29. (In Russian)

Shapin, 2008 – Shapin, S. *The Scientific Life: A Moral History of a Late Modern Vocation*. Chicago, IL: Chicago University Press, 2008, 488 pp.

Standing, 2011 – Standing, G. *The Precariat. The New Dangerous Class*. London, New York: Bloomsbury Academic, 2011, 248 pp.

Stolyarova, O.E. “Nauka segodnya – professiya ili prizvaniye?” [Is Science a Vocation or a Profession Today?], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], 2020, no. 56, pp. 107–112. (In Russian)

Weber, M.; D.S. Owen, T.B. Strong (eds) *The Vocation Lectures: Science as a Vocation, Politics as a Vocation*. Indianapolis and Cambridge: Hackett, 2004, 176 pp.